

Книги Антона Корнилова
в серии
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

КОСТЬ ВОЙНЫ
ПАСТУХИ ЧУДОВИЩ

В соавторстве с Романом Злотниковым

Цикл
«РЫЦАРИ ПОРОГА»
ПУТЬ К ПОРОГУ
БРАТСТВО ПОРОГА
ВРЕМЯ ТВАРИ
(в двух томах)
ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ
(в двух томах)

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНТОН КОРНИЛОВ

ПАСТУХИ ЧУДОВИЩ

РОМАН

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 985

Художник
И. Воронин

Корнилов А.
К67 Пастухи чудовищ: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 312 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2132-9

Хочешь выжить? Неукоснительно соблюдай три главных правила. Первое: ни под каким предлогом не покидай своего жилища с наступлением сумерек. Второе: что бы ни случилось, не смотри в темноту из окна. И третье: если все же что-то в той темноте увидел, ни в коем случае не подавай виду. Потому что ночью этот мир уже не принадлежит человеку. Потому что каждый раз в ночные часы — уже который год подряд — пространство за стенами твоего дома становится охотничьими угодьями. Зверье охотится на людей.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2132-9

© Антон Корнилов, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ПРОЛОГ

Глухая беззвездная июльская ночь ослепила и обездвижила город Заволжск. Около половины третьего остороженько выглянула луна, плеснула в безмолвные кварталы пригоршню свинцового света, но тут же снова и спряталась, словно удостоверившись в своей бессилии против мертвого океана мрака.

Ни одного огонька не светилось в городских окнах.

В этот час комната совещаний правительственного здания Заволжска очень напоминала вокзальный зал ожидания. Высокопоставленные чиновники — первые лица города, расстегнув пиджаки и ослабив галстуки, устало обвисали на стульях; дремали, положив головы на тянувшийся во всю длину комнаты стол; бродили бесцельно вдоль стен; скучковавшись по двое-трое, вполголоса вяло о чем-то переговаривались. Накурено было так, что свет электрических ламп казался синеватым, но попыток хоть немного приоткрыть окна, плотно задрапированные тяжелыми портьерами, никто не предпринимал. Угол комнаты занимал совершенно чужеродный здешнему интерьеру элемент — кабина биотуалета.

У запертых дверей на узком диванчике помещались двое мужчин, явно не принадлежавших к городской управленческой элите. Первый — худощавый парень в щегольском клетчатом, до смешного коротком пиджачке, с нагловатой подвижной физиономией, половину которой скрывали большие очки с непроницаемыми темными стеклами; оба уха этого типа были украшены тремя золотыми колечками, которые при малейшем движении принимались тихонько позвякивать. Вторым был немолодой краснолицый усач в военной форме без каких-либо знаков отличия, зато при оружии: справа на ремне его угловато темнела большая кобура. Странная эта пара молча и внимательно наблюдала со своего места за

происходящим в комнате совещаний, в то время как отцы города почему-то предпочитали в сторону сидящих на диване не смотреть. А если вдруг и оглядывались, то искоса, ненадолго и с отчетливо ошутимой затаенной тревогой.

Лампы под потолком, сухо треснув, заморгали.

И сразу же все разговоры в комнате совещаний смолкли совершенно. Те, кто дремал, молниеносно проснулись, испуганно заозирались. Разминавшие ноги замерли на месте. Обмякшие на стульях встрепенулись и подобрались...

Моргнув несколько раз, лампы вновь стали излучать ровный свет.

А чиновники не сразу и не все вернулись в тот режим бездельного ожидания, в коем пребывали до неожиданных фокусов электричества. На кого-то вдруг напал приступ безудержного кашля, кто-то нервно засмеялся, кто-то ни с того ни с сего, схватив ближайшего к себе товарища за рукав, неестественно громко понес какую-то очевидную чепуху...

— А вот я бы коньячку сейчас хряпнул! — возгласил внезапно во всеуслышание городской прокурор Ареньев, кривя рот в нарочитой улыбке. — Жаль, что нельзя...

— И я бы стопочку врезал, ага! — поддержал прокурора директор департамента образования Кузовников, простецкого вида мужичонка с крупной вихрастой головой. — И семужкой соленой закусил бы. Кладешь на кусочек семги кусочек масла...

Эти заявления вызвали у присутствующих самые искренние отклики. Комната для совещаний загудела.

— Лимоном лучше всего коньяк закусывать, — зажмурившись и причмокнув, поделился глава городского МЧС.

— Лимон-то к коньяку? — укоризненно прогудел кто-то. — Это, братцы, самый распоследний моветон. Мясом надо закусывать, мясом. Свининкой на вертеле...

— Заканчивайте, мужики, все ведь жрать хотят... — простонал кто-то еще в ответ.

— Третью ночь сидим... ждем и ждем — и все на одной сухомятке. А у меня гастрит!

— Глюкоза и только глюкоза! Шоколад или пару виноградин. А можно и вовсе не закусывать.

— Под сигарку его, родимого...

— Да ну его, этот коньяк! Лучше нормальной водочки хлопнуть. А потом борща, да с пампушками!

— Картошку отварную! — всхлипнул глава МЧС. — С укропом... И селедочку — чтобы, сволочь такая, нежная-нежная была... ее на картофелину горячую шлепнешь, а она сразу тает, зараза, жирком ароматным исходит...

Даже сам заволжский губернатор — пятидесятилетний здоровяк, спортсмен-тяжелоатлет в прошлом — вожаком заблестел глазами. И уже открыл было рот, вероятно, чтобы сообщить о собственных гастрономических предпочтениях, но его довольно-таки невежливо перебил прокурор Ареньев.

Видно, чересчур уж чувствительно ужалила прокурора метавшаяся по комнате ослепительная комета голодных грез, им же самим и запущенная.

— Ну сколько можно в конце-то концов?! — мучительно взревел Ареньев, взявшись обеими руками за внушительное брюхо. — Мужики, а? Сидим тут, как в карцере, в натуре! На парашу оправляться ходим!

На этот раз сердечный возглас прокурора вновь нашел отклик в душе большинства присутствующих.

— Ни прилечь, ни ноги вытянуть!.. — загудели чиновники.

— Ни помыться. Чешусь весь, — простодушно поделился директор департамента образования Кузовников.

— Туалет воняет!..

— Свежего воздуха глотнуть!

— В тюрьме и то на прогулку выводят!..

Военный у дверей гулко и со значением кашлянул. Крикуны, заметно умерив пыл, с неохотой обернулись к нему. И тут парень в клетчатом пиджаке громко и насмешливо проговорил:

— Спокойнее, господа, спокойнее! Выполняем указание правительства, куда деваться? Неприятно, согласен. Но необходимо. На благо всей страны. Допуски получили? Подписки прочитали, вникли, переварили и автографами своими украсили? То-то... Вам, между прочим, высокое государственное доверие оказано! А вы — бунтовать... Нехорошо!

Шум тотчас стих. Отцы города как-то сразу потускнели, как тускнеют, когда вспоминают о чем-то нехорошем.

И вновь затрещали лампы. И замигал свет. Будто захлопали под потолком громадные черные крылья, мгновенными толчками погружая комнату глубже и глубже во мрак.

Через несколько секунд непрерывная подача электроэнергии опять восстановилась. Чиновники, шурясь и вздраги-

вая, переглядывались друг с другом. Молчали. Стало так тихо, что было слышно, как позвякивали золотые колечки в ушах клетчатого.

— Смею уверить, господа, — снова заговорил он, — ждать вам осталось недолго. Уже очень скоро, господа, уже очень скоро — поверьте мне...

И точно в подтверждение этих слов лампы вдруг вырубались окончательно. Полнейшая темнота, хлынув сверху, ментально залила пространство комнаты совещаний.

Секунду или две не происходило ничего. Потом кто-то, забарахтавшись в чернильной тьме, по-женски истошно завизжал. Грохнул опрокинутый стул, послышались возня и твякающие всхлипы. Три раза подряд коротко скрежетнула чья-то зажигалка, высекая снопы белых искр.

— Не смей! — раздался голос клетчатого, на этот раз несколько не насмешливый, а до пронзительности яростный. — Никакого света!

Натужно скрипнул ножками по полу сдвинутый кем-то тяжелый стол. И кто-то еще, кажется сам губернатор, отчаянно завопил:

— Только не я, пожалуйста! Только не я!

И вспыхнул свет.

Чиновники, бледные и растрепанные, вынырнули из тьмы. Почти все тяжело дышали. Кое-кто зачем-то ощупывал себя. Только директор департамента образования Кузовников, минуту назад мечтавший о «семужке с маслицем», остался стоять неподвижно, сгорбившись, опустив вихрастую голову, бессильно свесив руки вдоль туловища. Военный и парень в клетчатом пиджачке бросились к нему. А все остальные — наоборот: топоча и толкаясь, подались от Кузовникова прочь. Сгрудились шевелящейся и бормочущей кучей в дальнем углу комнаты.

Военный, миновав застывшего столбом директора департамента образования, растопырил руки и медленно двинулся к этой человеческой куче. Что-то было в усаче в тот момент от пастуха, только что загнавшего в кошару отару испуганных овец. Только не кнутом он помахивал, а извлеченным из кобуры черным пистолетом.

— Ну-ка, тихо! Тихо! — дергая ртом, отчего у него шевелились усы, рявкнул военный. — Успокаиваемся и вспоминаем

все, что вам объясняли в самом начале! Инструктаж вспоминаем!

Клетчатый, осторожно приобняв Кузовникова за плечи, вел его к диванчику у дверей. Директор департамента так и не поднял головы. Руки его все еще висели плетьюми, кисти побалтывались при спотыкливой неуверенной ходьбе. Двигался он так, словно тело его онемело и едва-едва ему подчинялось.

Парень аккуратно усадил Кузовникова на диван — как усаживают большую куклу. Чиновник сразу же обмяк, сильно согнувшись вперед, уронив голову подбородком на грудь.

— Есть! — проговорил клетчатый. — Ну, кажется, без эксцессов у нас обойдется...

Военный на секунду обернулся к нему, опустил руки.

— Сплюньте, Комиссар... — буркнул он сквозь усы. А в адрес отцов города добавил: — Поднимаем стулья! Рассаживаемся за столом! Не шумим! И на этого не оборачиваемся!

И вложил пистолет обратно в кобуру.

Пока чиновники безропотно и молчком выполняли приказания военного, парень снял с себя темные очки, обнажив водянистые маленькие глазки. И, присев на корточки перед недвижимым Кузовниковым, попытался очки эти надеть ему на склоненное к самым коленям лицо. Хоть и действовал парень с привычной ловкостью, эта операция удалась ему только со второго раза. Уж очень неудобно сидел директор департамента. Надев очки на чиновника, клетчатый выпрямился и отступил на пару шагов.

— Ну что, господа? — ухмыльнулся парень. — Пришло наконец время вас поздравить с...

— Да погодите вы поздравлять! — проворчал военный. — Куда вы постоянно торопитесь-то?

Парень снова хмыкнул.

И тут Кузовникова точно огрели сзади невидимым хлыстом.

Тело его, сложенное на манер перочинного ножа, резко распрямилось. Сползая вниз, он задергал руками и ногами — беспорядочно и неестественно. Это не походило на конвульсии. Это было похоже на... как будто кто-то очень сильный, безумно торопясь, влезал в комбинезон, имеющий форму и вид человеческого тела.

Клетчатый, мигом очутившийся за спинкой дивана, навалился на чиновника сзади, обхватив его за плечи. С мотнув-

шейся головы Кузовникова слетели очки. Усач в военной форме, страшно выругавшись, прыгнул за ними, поскакавшими по полу, лоя их, как выброшенную на берег рыбу.

Движения Кузовникова становились все мельче и слабее. Он дернулся еще несколько раз. И затих. Тело его снова обмякло, но голова держалась прямо. Глаза, широко распахнутые, ненормально расширенные, смотрели перед собой. Впрочем, это были уже не глаза в привычном человеческом смысле.

За быстро мутнеющей роговицей закипала снизу матовая чернота, жадно пожирающая белки, подбирающаяся уже к зрачкам...

— Очки! — запоздало заорал парень.

Военный, приблизившись к дивану бочком и старательно глядя в сторону, вслепую, но точно и быстро водрузил на нос чиновника темные очки.

— Вот теперь — все, — выдохнул усач. — Почему вы его сразу не зафиксировали?! — зарычал он на клетчатого парня. — А если б что не так... все опять сначала начинать, да?

— А ну-ка, тон смени, полковник! — негромко, но как-то очень внушительно потребовал парень, звякнув колечками в ушах. — Нервы нервами, а забывать, с кем и как ты разговариваешь, — не надо...

— Слушаюсь, шеф, — пробормотал усач.

Раздался громкий деревянный стук. Притихшие было чиновники перепуганно загомонили и повскакивали со своих мест.

Все, кроме городского прокурора Ареньева, который подобно поверженной статуе лежал теперь на полу ровно в той позе, в которой сидел на стуле.

Парень в клетчатом пиджачке с досадой цокнул языком.

— Сказано вам было, придуркам... — заворчал военный, шагнув к одеревеневшему прокурору. — Не смотреть на этого! Инструктаж для кого проводился, а? Для Пушкина?

Присев над Ареньевым, военный достал из нагрудного карман кителя шприц с небывало толстой иглой. Размахнулся и изо всех сил воткнул шприц в плечо прокурора как нож.

— К утру должен очухаться... — констатировал он, поднимаясь. — А вы чего суетитесь? Всем сесть!

— Садитесь, господа, садитесь! — присовокупил клетчатый. — Больше уж точно никаких эксцессов... — Покосив-

шись на усача, он усмехнулся: — Больше никаких эксцессов не будет, я обещаю.

Отцы города повиновались беспрекословно, как первоклашки.

А директор департамента образования Кузовников снова пошевелился. Но на этот раз движения его были не хаотичны, в них чувствовалась осмысленность. Он медленно поднял правую руку, согнул ее в локте и вдруг резко, точно не рассчитав силы, крутанул кистью... Хрустнув, та мертво повисла. Директор департамента, кажется, не почувствовал никакой боли. Опустив руку, он согнул в коленях и выпрямил ноги — с той же конвульсивной порывистостью — так, что с левой ноги слетел ботинок.

— Тихо, тихо! — заторопился клетчатый, обращаясь к Кузовникову. — Не все сразу! Постарайтесь не шевелиться, пока не привыкнете...

— Неудобно... — странно шелестящим голосом выговорил директор департамента образования.

— Я же говорю — не все сразу! — откликнулся клетчатый и вышел из-за дивана. — Поздравляю вас, господа! — с дурашливой театральностью поклонился он. — И позвольте мне представить вам вашего регионального спецконсультанта!

Военный подошел к нему. Теперь они стояли по бокам от замершего на диване тела. Причем усач держался с явно несвойственной ему торжественностью.

И тот, кто еще совсем недавно был чиновником Кузовниковым, прошелестел с едва угадывающейся вопросительной интонацией:

— Начинаем работать?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Полностью раздетого, его впихнули в промозглый мрак и запретили говорить и шевелиться. Он отдавал себе отчет в том, что послушаться запрета нельзя, но и оставаться в полной неподвижности тоже не мог — от холода била дрожь, он заочнел и беспрерывно трясся. Под босыми его ногами ощущались мелкие камешки.

Долго, очень долго давила его темнота. Пока внезапно не вспыхнул яркий свет, открыв для него окружающее пространство.

И он увидел, что находится на краю большой и глубокой круглой ямы, откуда несет каким-то резким химическим запахом. И он вовсе не один здесь. Их пятеро, беззащитных голых людей, расставленных вокруг этой ямы, на самой кромке обрыва в черноту.

Тот, кто стоял напротив него, на другой стороне, был высок и необыкновенно, изможденно худ — видно, безжалостный недуг высосал его до сухих костей. Лысая голова, похожая на череп, бессильно клонилась на грудь с резко выделяющимися ребрами, так что лица видно не было; иссушенные тонкие руки с булыжниками локтевых суставов свисали вдоль туловища; этот человек будто спал стоя.

Слева от лысого помещалась девочка лет пятнадцати. Одной рукой она неловко прикрывала маленькие, по-детски еще острые грудки, другая же ее рука опускалась к едва опушенной промежности. Глаза девочки были закрыты, а губы, опухшие от долгого плача, чуть заметно дрожали. Большое и безобразное, поросшее грубым волосом родимое пятно закрывало половину ее лица — будто багровая бабочка села когда-то девочке на щеку, да так и осталась там, вросши всем тельцем в кожу...

Левее девочки стоял, обнимая себя за выпуклое брюхо, обрюзгший старик. Голова его с поблескивающей в венце седых волос лысиной мелко тряслась, мокрые глазки за толстенькими линзами больших очков моргали испуганно и часто.

Эти трое — полутруп, девочка и старик — были ему незнакомы. А вот четвертого, рослого сутулого мужика, поставленного от него справа, он вдруг узнал. Марк Дикий. Пару лет назад Дикий наводил ужас на всю Гагаринку, резал нещадно за любое неосторожное слово, за случайный взгляд, да и просто ради развлечения или по причине дурного настроения. Когда Марка брали, он насмерть уходил двух копов: одному голову размозжил топором, второго проткнул насквозь железной ножкой от табуретки. Говорят, при задержании в него всадили шесть пуль, а он не умер, оклемался в тюремной больничке.

Дикий, втянув голову в плечи, страшно оскалившись, сжав руки в кулачищи, хлестал по сторонам обжигающе злым взглядом. Тело его, упруго мускулистое, изрытое шрамами, испещренное корявой лагерной татуировкой, крупно подергивалось. Точно Марк отчаянно пытался стронуться с места, но неумолимая сила, держащая на краю ямы всех пятерых, не пускала и его...

Измощенный, малолетняя уродица, пузатый старик в очках, Марк Дикий. И... он. Не помнящий собственного имени, не способный видеть себя, понятия не имеющий о том, кто он-то сам такой...

Пятеро.

Где-то недалеко, но вне пределов его видимости, забухали мерные лязгающие удары, и от этого буханья, с каждой секундой становящегося все громче и громче, во рту у него появилась тревожная горечь. Старик и девочка встрепенулись, Марк Дикий сжался, как перед рывком, которому, конечно, не было суждено осуществиться. Даже полутруп пошевелился.

И тут из глубокой темной ямы, вокруг которой они стояли, потянулся, как дым, к ночному небу тонкий и прерывистый детский плач...

Я вывалился из этого муторного сна в реальность как в холодную воду. Свесив ноги с кровати, некоторое время отфыркивался, пытаясь утереть с лица обильный пот. Сердце колотилось так, что удары отдавали в затылок.

Ну и сон! Не обычный кошмар, нет. Никаких ведь ужасов мне не привиделось, а отчего-то так скверно и тошно... как будто падали наелся.

Это ж надо такому присниться, будто...

Тут я замер на краю кровати, отчетливо вдруг осознав, что ни черта я из этого своего сна не помню. Тьфу ты...

Я отдернул шторы, снял с окна плотное шерстяное одеяло. Намного светлее в комнате не стало — утро было серенькое, тусклое, мелкий дождик тоненько барабанил по листве тополей во дворе. Проходя в ванную через комнату папахена, я ткнул кнопку телевизора. Она пусто щелкнула — только и всего. Рано еще, значит. Электричество пока не дали. Его у нас дают обычно на полтора-два часа утром и на столько же вечером. На часы, висевшие пыльным колесом над этим самым телевизором, я, конечно, даже и смотреть не стал. Толку-то... Батарейки давным-давно сели, а покупать новые... это теперь дорогое удовольствие.

Свечку — чтобы умыться — я зажигать не стал. У меня только один огарок остался, а папахен из рейса раньше завтрашнего вечера не вернется. Да и не нужна мне она, свечка. В плотной темноте ванной я давно приноровился действовать на ощупь. Крутанул вентиль — кран недолго поурчал, затрясся и принялся плевать мне в ладони остро пахнущей металлом водой. Я умылся, выскреб из коробки остатки зубного порошка, почистил зубы.

Только я закрыл кран, как за стеной, на кухне что-то грохнуло, зазвенело... Бухнули в стену один за другим несколько ударов. И опять раздался лязгающий звон.

Подтянув трусы, я потащился на кухню. Мимоходом опять попытался включить телевизор, пощелкал кнопкой (она, бывает, заедает) — безрезультатно. Однако раненько я сегодня вскочил все-таки...

На кухне я первым делом, само собой, раздвинул шторы — замутненный дождевой влагой свет потек через окно. И я увидел, как на полу крутилась, чуть подпрыгивая, эмалированная миска — словно мгновение назад упала. Только упала она, конечно, много раньше. И оставь ее так, будет крутиться до вечера. Я поднял миску, поставил обратно на полку. Тотчас со стола поднялась в воздух большая металлическая кружка и чинно так поплыла мимо меня в комнату. Я ее поймал, вернул на стол, и тогда начал приподниматься с плиты чайник, кренясь

на сторону, разливая воду из короткого носика. Чайник я подхватил и переставил на другую конфорку. Попытался зажечь газ — и это у меня получилось. Газ, выходит, уже дали. Следовательно, и электричество скоро врубят.

Пока я следил за закипающим чайником, кружка на столе опять вздрогнула, чуть подскочила и опрокинулась.

Что-то разыгралась сегодня шумелка... Обычно поспокойнее. Ну, позвенит посуда на полке. Ну, занавески в отсутствии сквозняка поколыхаются. Сигаретка по столу покатается. У нас это явление так называется — шумелка. Реже — барабашка. Или, вот еще слышал, полтергейстом кличут, но это совсем редко. Устаревшее название. Говорят, выпускают приборчики, которые глушат это дело, как-то они особым образом на магнитное поле влияют... Но, во-первых, приборчики эти недешевы. Во-вторых, для них батареек не напасешься. В-третьих, приборчики не очень-то и помогают — только немного снижают активность. А в-четвертых, кому и когда шумелка серьезно навредила?.. Максимум — по кумполу кастрюлькой долбанет. Она ж безвредная, шумелка. Это вам не скверник какой-нибудь. И не шатун... Не бес и не гадина... Не зверье, одним словом.

Вскипел чайник, и я заварил себе чифирьку. Правильного чифирьку, как папахен научил — с солью, с сальцем, такого чифирьку, что с первого глотка пробирает лучше всякого спирта. Папахен у меня дальнобой, он много чему научить может. Он в рейсах такого повидал... Кому другому на целую жизнь хватит. А то и на две — папахен в рейсы ходит столько, сколько я себя помню. У него нога в двух местах прострелена, половина головы седая. Седина — это от встреч со зверьем, конечно. Ну а ногу ему обычные бандосы продырявили.

Я отхлебнул чифиря, закурил. Шумелка понемногу успокаивалась. Следующий период ее активности наступит ближе к ночи. Вот скрипнули полы в папахеновой комнате, глухо проняла пружина в его диване... И улеглась в пустой квартире тишина. А, нет — с тихим шорохом качнулся еще на стене фотопортрет мамы с черной ленточкой, перетянутой через нижний уголок...

Этот портрет — порядком выцветшая уже фотография в простой незастекленной рамке — единственное, пожалуй, что осталось нам с папахеном от мамы. Портрет да еще этажерка с книгами в моей комнате. Все остальное пришлось продать,

когда у папахена с работой были проблемы. Книги бы тоже продали, но их никто не хотел покупать.

У мамы волосы до плеч. Белые, точно выгоревшие на солнце, они несильно всколыхнулись от легкого ветерка. Почему легкого — потому что мама смотрит навстречу этому ветерку, прямо в объектив, и не щурит глаза. Глаза ее широко раскрыты, и в них такая... спокойная улыбка, точно мама видит перед собой что-то очень хорошее. Сразу понятно, что фотография сделана давно. Еще до того, как все это началось...

Мама преподавала литературу в школе. В нашей школе, где и я тоже учился. Три года при ней, остальные три — когда ее не стало.

Она погибла почти сразу же, как только наш мир начал меняться. Одиннадцать лет назад.

Хотя, если по правде, началось это не одиннадцать лет назад, а еще раньше. Влохматом две тысячи одиннадцатом. Тогда весь мир отчего-то уверовал, что год две тысячи двенадцатый есть самый распоследний в истории человеческой цивилизации. Что, мол, двенадцатого числа двенадцатого месяца двенадцатого года наступит всему голубому шару решительный и окончательный кирдык. Апокалипсис то есть, если по-научному. Откуда это пошло, я, честно говоря, не вполне отчетливо помню. Вроде какой-то там древний календарь откопали то ли в Африке, то ли в Америке. Нормальный такой календарь, солидный — не на год, не на десять лет и даже не на столетие. Начинаясь вообще невесть когда, а заканчивающийся аккуратно двенадцатого декабря две тысячи двенадцатого года. Вот поэтому тогдашняя великомудрая общественность и сделала вывод: раз календарь закончился на двенадцать-двенадцать-двенадцать, значит, и нет шансов у нашей планетки просуществовать хотя бы пару минут после наступления этой даты. Смешно, ей-богу. Может, тому древнему чуваку, который высекал в камне календарь, лень стало дальше две тысячи одиннадцатого года долбить долотом... или чем он там долбил. Может, какое-то более важное дело его отвлекло — жена на охоту отправила или война началась. Ну, не суть...

Гораздо интереснее то, что тогда, в две тысячи одиннадцатом, природа принялась с энтузиазмом подкидывать населению многочисленные подлянки, как бы в подтверждение гря-

дущего конца света. Горели леса; цунами и тайфуны уничтожали целые города, безвозвратно топили острова; вулканы просыпались, чтобы извергнуться и затянуть тучами пепла небо над целыми континентами... В тех частях света, где никогда не видели снега, мели метели и от морозов трескались стекла, стены домов и дорожное покрытие. Там, где привыкли к лютой затяжной зиме, до января стояла теплынь, и фруктовые деревья принимались плодоносить второй раз за год.

Понятно, что в сложившейся ситуации развелось великое множество доморощенных пророков и лжемессий, которые принялись резво рубить бабло, морально и физически готовя новоявленную паству к неминуемому переходу в мир иной. Хотя, помимо этой публики, на злобу дня высказывались серьезные ученые и трезвомыслящие богословы. «Да, — официально признавались они, — мир действительно меняется. И вполне вероятно, что скоро грядет нечто. Но вот что именно грядет, кто ж его знает. По этому поводу можно только выдвигать версии и строить домыслы...»

Ну и по телевизору (а в те времена с электричеством проблем не было, и каналов было больше, чем два, не то что у нас сейчас) круглые сутки крутили передачи и фильмы все на ту же, шибко интересующую всех тему.

Короче говоря, в Апокалипсис, назначенный на двенадцать-двенадцать-двенадцать, поверили все. Ну, скорее всего, не совсем уж все... И даже, наверное, не большинство. Но, думается мне, тогда у каждого, у самого даже что ни на есть твердолобого прагматика и оптимиста нет-нет да и екало сердчишко. А вдруг правда?..

А накануне той самой даты истерия достигла апогея. Граждане с особо тонкой душевной организацией массово бежали в малонаселенные районы, очевидно надеясь, что Апокалипсис, точно шархнув по крупным городам, разбежавшихся и попрятавшихся в глуши человеческих букашек отлавливать побрезгует. Кто-то забивался в заранее подготовленные герметичные капсулы и бункеры с автономным питанием, предполагая пережить мировую бурю там. Отдельные личности, впрочем, предпочли не прятаться, а встретить Апокалипсис разудалыми празднествами с фейерверками и бухлом. Прямо как язычники, стремящиеся жертвоприношениями умоливать затаившееся где-нибудь в недосыгаемости зло, чтобы не умирать, а еще немножечко пожить.

И вот наступил тот самый день.

И не произошло ничего.

То есть это тогда так поняли, что ничего.

Время снова потекло как обычно. Правда, землетрясения, тайфуны, цунами, большие и малые войны сотрясали планету и умы ее населения все с той же частотой, но уже ничего не предвещали, постепенно становясь обыденностью.

А после две тысячи шестнадцатого по всему миру стало резко расти число катастроф, и причиной большинства из них являлся человеческий фактор. Причем немногие чудом выжившие виновники никак не могли толком пояснить, что же такое их заставило проделать приведшие к аварии действия. «Какое-то затмение нашло», — жаловались авиадиспетчеры, направившие два самолета навстречу друг другу. «Как черт под руку толкнул», — объясняли машинисты поездов, зачем-то разогнавшие состав до максимальной скорости на сложных участках пути.

К концу две тысячи семнадцатого самолеты сыпались с неба чуть ли не ежедневно. Суда тонули, едва выйдя из порта. Поезда катились под откос, как будто во всем мире шла ожесточенная партизанская война. Да и новости с автомобильных трасс напоминали больше сводки с мест боевых действий. А заводы, фабрики, комбинаты, станции, научные центры и вовсе взрывались, как зернышки кукурузы на раскаленной сковороде.

Ко всему прочему, электронные приборы стали вдруг безо всяких на то причин выходить из строя. Со временем эта напасть несколько утихомирилась, но совершенно на нет не сошла. Чуть позже повсеместно распространилось до того редчайшее явление шумелки (ну да, да, раньше такого термина не было, шумелку называли полтергейстом или барабашкой).

Ученые пытались объяснить происходящее, связав воедино и волну массового выхода из строя электроники, и шумелку, и странное поведение людей, приводящее к авариям. Появилось мнение, что виною всему — аномальная активность магнитного поля Земли. Как выяснилось позже, ни черта эти ученые не поняли...

В общем, спустя пару лет от общего числа объектов мировой промышленности осталось процентов двадцать. И эти уцелевшие объекты функционировали в четверть силы, так как работы на них велись практически кустарными методами,

без применения сложного в управлении оборудования. Сообщение между континентами по воздуху и по морю почти сошло на нет. Да и охотников прокатиться на наземном транспорте дальнего следования осталось немного...

А потом стало происходить такое, что вообще ни в какие рамки не вписывалось и никаким объяснениям не подлежало.

Некоторые деревья вдруг стали облетать в середине лета, а потом снова покрываться листвой. Зачастую совсем иной формы, размера и расцветки, чем раньше...

Домашние животные напрочь отказывались подчиняться, нападали на хозяев, удирали из дома... Правда, это продолжалось недолго. Только кошки пропали невесть куда, все до одной, и не вернулись больше, в связи с чем невероятно расплодились крысы.

В зеркалах нередко отражалось совсем не то, что должно отражаться...

Дальше — больше.

В две тысячи восемнадцатом три дня подряд во всем мире наблюдали, как проплывает по небу громадный парусный корабль. Говорят, многие даже слышали скрип снастей, невнятные команды на непонятном языке, ощущали запах моря и соль на языке. Немногим позже в городах и селениях стали появляться странные люди в старинных одеждах — это солдаты возвращались с войн прошлых веков. Находясь в каком-то мутном полусознании, они искали свои жилища и близких. Некоторые из них могли говорить и даже поддерживать беседу. Их, конечно, отлавливали, увозили в больницы, исследовательские центры. Там они, толком ничего не умея рассказывать, быстро умирали.

Вот тогда-то кое-кто уже начал догадываться, что творится в мире и в чем причина происходящего.

А потом появилось зверье.

Это было в две тысячи девятнадцатом.

С тех пор прошло шесть лет.

Иногда я думаю: наверное, все-таки не очень плохо, что маме не привелось жить в том мире, в каком живем мы. В две тысячи шестнадцатом году самолет, в котором она летела из Заволжска в Москву, вместо того чтобы следовать своим курсом, совершил посадку на территории газораспределительной станции под Волгоградом. Спросить у пилота, какое там на

него нашло затмение и кто толкнул его под руку, не представилось возможным. В катастрофе не выжил никто.

В комнате папахена загудел, включившись, телевизор. Электричество наконец-то дали.

— ...новый правительственный проект «Возрождение», в полной мере оправдавший возложенные на него ожидания, триумфально шествует по стране! — всплыл в квартирной тишине победоносный голос теледиктора. — С этой недели к проекту подключился и наш Заволжск. Вот что рассказал репортеру заволжской телерадиокомпании губернатор округа Александр Долгопятый.

Я выглянул из кухни с кружкой в руках.

На экране массивный седовласый мужчина — наш губер, едва втискивавшийся могучими плечами в кадр, мелко заблеял, опустив глаза в лежащую перед ним на столе бумажку:

— Прибывший к нам в рамках проекта региональный спецконсультант приступил к работе немедленно. Только за последние два дня благодаря его совместным с городской администрацией и администрацией округа действиям предотвращено три крупных аварии на предприятиях, прорыв газопровода в районе Приречья, а также стал возможен запуск пяти насосных станций...

— Молодцы! — вслух похвалил я, отхлебнув своего чифирия.

Нет, правда молодцы. Не наши, конечно, распухшие от взяток местные тугодумы, которые, кроме как дань тянуть со всех, кто в состоянии платить, ничего не умеют... А те ученые, которые «Возрождение» придумали. Давно уже про этот проект слухи ходят. Говорят, мол, рассылают из столицы по регионам особых таких специалистов-консультантов, что могут с определенным процентом точности сказать, где и когда в очередной раз у нас что-нибудь рванет; как-то они эти происшествия умудряются рассчитывать и, следовательно, предугадывать. Здорово, ничего не скажешь. Вот если бы эти умники состряпали еще проект, который бы людей от зверья защищал, совсем было б замечательно...

— ...Успех проекта «Возрождение» позволяет смело говорить о том, — продолжал зачитывать написанный ему текст губернатор Александр Долгопятый, — что в сегодняшней непростой мировой обстановке произошел долгожданный пере-

лом... — На секунду подняв глаза, губернатор уточнил уже от себя: — В хорошую то есть сторону... И проект «Возрождение», — напрягшись, снова сымпровизировал он, — несомненно приведет к э-э-э... возрождению нашей великой Родины!

Протяжный свист метнулся с улицы, звук словно сплюснулся о стекло. Я выглянул в окно. У подъезда призывно размахивал руками Дега, приплясывая на месте частично от утреннего холода, частично от природного неумения находиться в состоянии покоя дольше одной минуты. Чуть поодаль, у взъерошенного ветром и дождем куста сирени стоял Губан; на мое окно он не смотрел — обрывал с куста листья, медленно растирал их в кулаке в кашу, сосредоточенно закладывал эту кашу в рот и меланхолично жевал. Я невольно хмыкнул: со стороны эти двое сейчас смотрелись забавно. Низкорослый и щуплый Дега был похож на непоседливого малолетку, а огромный Губан — на его папашу, хмурого, неповоротливого и — чего уж тут — малость неадекватного.

Заметив меня, Дега подпрыгнул и снова засвистел, сунув оба мизинца в рот. Губан, продолжая двигать мощными челюстями, задрал наголо обритую круглую голову.

И тут я вспомнил.

Чего ж я тут рассусоливаю с чифирьком да сигареткой?! У нас ведь на сегодня дело какое назначено!

Махнув рукой парням, я метнулся к телевизору, выключил его. Потом побежал одеваться. Натянул джинсы. Приготовленная еще с утра футболка висела на спинке кровати — не пришлось рыться в комод. Пусть и застиранная почти до прозрачности, пусть логотип Олимпиады — две тысячи четырнадцать на ней уже не разобрать — ерунда. Это моя счастливая футболка. Когда я год назад от копов удирал (подрезал у какого-то пьяненького часы, а он крик поднял) — и удрал, протиснувшись в лаз под забором заброшенной автобазы, она на мне была. Когда мы, гагаринцы, ватагу с Нефтяников разгромили, она на мне была. Мне тогда ломиком едва голову не проломили — прямо по макушке вскользь чиркнуло. Миллиметр еще бы — и конец. И когда я в начале зимы свалился в котлован за старым овощехранилищем, упал ровнехонько между двумя торчашими из земли арматурными прутами и даже не поцарапался, она тоже на мне была, эта футболка...

А вот на прошлой неделе я не в эту футболку был одет, не в счастливую. Может, потому и сцапали меня копы на улице, когда в лавку шел сигарет и хлеба купить. Ни за что ни про что скрутили среди бела дня, наручники защелкнули и кинули в машину, на пол, под ноги себе. Ох и напугался я сначала. Начал вспоминать все свои недавние прегрешения, но ничего такого серьезного и не вспомнил. Да только это не важно, что ничего за мной не было. Захотят — и навесят, что угодно. И подпишешь, никуда не денешься. Как тут не подписать, когда тебе пальцы дверью прищемлять начнут или ботинками по копчику лупить?.. Мало ли таких случаев у нас в Заволжске было? Я еще в машине начал орать: мол, отпустите, я ни в чем не виноват! А один из копов поставил мне ножищу на голову и веско так проговорил:

— Еще звук от тебя, раздавлю черепушку, как тыкву. Сомкнись, анус перепуганный!

Я и сомкнулся. Заткнулся то есть.

Удивительно, но все обошлось. Привезли меня в отдел, заперли в подвале. Раз только спустился ко мне следак, допросил: кто я да что я... Можно подумать, карточки моей у них не было. Допросил и ушел. А я еще четверо суток в подвале кис. Покормить только на второй день сподобились. На пятые сутки отпустили. Не знаю, что они там себе решили, может, на то дело, под которое меня подписать хотели, более удобный человек нашелся. А может, даже (и такое у нас случается!) настоящего виновника поймали. Какая мне разница? Хорошо, что удачно все закончилось. А могло бы и по-другому...

И хорошо еще, что все время, пока я в подвале отдыхал, папахен в рейсе был. Он бы мне еще и добавил, когда я домой вернулся. У него, у папахена моего, такая установка: раз взяли тебя, значит, есть за что. Или было за что. Или будет... рано или поздно. Не шалберничал бы по улицам, а работал, как нормальные люди, не трогали б тебя копы. Рабочий человек не шпана, он государству нужен. А шпана — она без надобности.

Зато какую гулянку мы с Дегой и Губаном закатили, когда я домой пришел! Благо было на что — припасы-то, которые мне папахен оставлял, без дела лежали, пока я в подвале мариновался. Вот мы их в шалман и снесли, обменяли на выпивку. А тем, что осталось, закусили...

В прихожей я нацепил старую кожаную — папахена еще — куртку с продранными локтями, обулся в армейские ботинки.

Затянув шнурки, извлек из-под стойки с обувью свою джагу. Сунул ее за высокое голенище, так, чтобы наружу торчал только кончик рукояти. По привычке проверил, удобно ли выхватывается. Ногтями подцепил, дернул — тихо прозвенела сталь обоюдоострого, тонко заточенного клинка, вылетая из проводочных ножен, — и рукоять плотно легла в ладонь. Нормально. Я вернул клинок в ножны.

Перед тем как покинуть квартиру, я на самом пороге, как обычно, крутанулся на каблуке, трижды плюнув через левое плечо. Папахен вот еще помнит те времена, когда над приметами смеялись, полагая их чепухой. Теперь времена другие. Законы мироздания теперь изменились, видите ли. В наше время изволь соблюдать через века дошедшие до нас ритуалы. Если жизнь тебе твоя дорога, конечно...

Дега вместо приветствия распахнул на мне куртку, увидев футболку, удовлетворенно причмокнул языком:

— Счастливая? Молоток!

А Губан вопросительно прогудел, отвесив знаменитую свою нижнюю губищу, которой и обязан был прозвищем:

— Пожрать ничего не вынес?

— Папахен в рейсе же, не вернулся еще, — развел я руками. — Сам скоро кустики обглаживать буду... После той гулянки у меня, сам знаешь, шаром покати.

— Хватит базарить! — оборвал нас Дега. — Пошли скорее!

Эх, как возбужденно блестели его глаза!

И мы пошли. Идти было недалеко. На ту самую заброшенную автобазу, где я год тому назад так удачно спрятался от копов.

Эти парни, Дега и Губан, — лучшие мои кореша, мы с малолетства вместе. Губан у нас в Гагаринке (в Гагаринском то бишь районе) человек уважаемый. Выделяется исполинским телосложением, невероятной прожорливостью и поистине чудовищной силой. А вот интеллектом — нет, не выделяется. Вернее, выделяется, но в обратную, так сказать, сторону. Чего греха таить, глуповат наш Губан. Зато в махалове ему равных нет. Ни джагой, ни ломиком, ни кистенем, ни цепью он не пользуется — работает кулаками и тем массивным булыжником, который у прочих людей зовется головой. Ни для каких других функций, кроме боевых, голова его, честно говоря, не предназначена. Ну да — а еще он туда ест...

Дега же Губану полная противоположность. Шуплый, верткий, длинноносый, с языком острым, как джага, он в нашей маленькой ватаге, из нас троих и состоящей, неистощимый генератор идей. Жаль только, что именно здравые идеи в кипучем мозгу Деги зарождаются не так уж часто. И еще на всю Гагаринку знаменит Дега своей патологической тягой к воровству. Есть такое психическое отклонение, когда человек не может удержаться, чтобы не украсть, — kleптомания называется. Так вот, Дега — самый настоящий kleптоман. Потому и вполне может увести что-нибудь у своего же брата-гагаринца, каковое деяние конечно же по всем понятиям непростительное. Хоть и возвращает он потом украденное, конечно, но все равно... И не переломали конечности Деге до сих пор только благодаря Губану.

Ну и мне еще.

Впрочем, не столько мне, сколько маминой библиотеке. В наше время мало кто увлекается чтением. Во-первых, не до чтения в такие-то времена, тут крутиться надо или работать, чтобы было что пожрать. А во-вторых... просто не принято у нас в Гагаринке (да и, я подозреваю, во всем Заволжске) тратить время на книги. Вот вечерком, когда электричество дадут, фильмца после новостей посмотреть — это святое дело. А читать... Ну не принято — и все. Хотя раньше — папахен рассказывал, — когда в школах учились не по шесть лет, как сейчас, а по одиннадцать, читали больше.

Так вот, это я про kleптоманию Деги всю Гагаринку оповестил. Давно еще — лет пять назад. Оправдал то есть его косяки перед общественностью. Я же и за прозвище Деги несу ответственность. Его ведь не всегда Дегой звали. Поначалу он был Крысом — во-первых, потому что в его лице, узком, с заостренными чертами, и впрямь было что-то от облика хищного грызуна, а во-вторых... и так, по-моему, понятно почему... Кому такое прозвище понравится? Вот он и бесился всякий раз, когда в свой адрес «Крыса» слышал, в драку лез. Я порылся в книжках и выкопал оттуда дегу, кустарниковую крысу, mleкопитающее семейства осьмизубых, отряда грызунов, обитающую в Южной Америке... Вроде тоже крыса, а на слух куда благозвучнее. Тем более что так же — Дега! — и старинный французский художник прозывался, с чем я своего кореша дополнительно поздравил. Так Дега и стал Дегой. Прижилось то есть прозвище.

Ну а меня в Гагаринке зовут Умником.

— Сам не знаю, как так получилось, — трепался по дороге Дега. — Встретился мне вчера поутрянке Чипа. Я еще удивился: один идет, без своей ватаги. Сближаемся, я смотрю: у него зенки в кучу, лыба на морде сияет бессмысленная. Ясен пень — бухой в дым. Обрадовался мне как родному. Я ему клешню тяну — привет, мол. Он мне клешню жмет. И тут мои пальцы сами по себе работают...

История эта нам с Губаном была, конечно, уже известна. Дега нам первым вчера еще о ней и рассказал. Но моего кореша затыкать — бесполезное дело. Пусть себе трещит, нам идти-то не так долго.

— ...и перстенок Чипин уже у меня в кулаке. Он-то ничего не почувствовал, стоит, похохатывает, трет мне что-то задушевное о том, как жизнь прекрасна и какие все вокруг замечательные. Я, поддакивая, киваю, а сам почти не слушаю. Думаю, как быть-то теперь? Отдать перстенок? Вроде шутканул я... Был бы Чипа трезвый, он бы понял. А так — опасно. Выкинуть побрякушку к чертовой бабушке? Так Чипа все равно, как прочухается, выяснять начнет: кто да что... И про меня вспомнит. Но — прикидываю — так или иначе, мотать надо отсюда. Потом разберемся, что делать. И тут из-за угла Петя Ша выворачивает на Чипиной тачане. А в салоне, гляжу, — Гуля, Баламут, Замай... И все явно такие же веселые, как и Чипа, — ржут, горланят чего-то. Не знаю, что на меня нашло, испугался я. И как рвану от них! Они сначала-то не врубались, а потом у них вроде как инстинкт включился: кто убегает, тот жертва... На агрессию их переключило. И они за мной!.. Хорошо рядом эта автобаза. Я быстренько под забор вкатился, затаился. Может, не заметили, куда я делся? Слышу, они вокруг ходят: орут, ищут... Тут я и стал смотреть, где мне спрятаться. Влез в развалины, темно там. И вдруг...

— Пришли, — сказал я.

Тот самый лаз под забором заброшенной автобазы — когда-то спасший от копов меня, а вчера вот и Дегу от разъяренной Чипиной ватаги — надежно скрыт густыми зарослями кустарника. Настолько густыми, что и зимой, когда кусты стоят голыми, ничего за ними не разглядишь. Губан полез первым. Вторым собирался я, но вдруг невдалеке послышались громко перекликающиеся голоса — явно шла куда-то ватага, и нема-

лая, парней из пяти-шести. Дега встрепенулся и, опережая меня, ошпаренной змеюкой метнулся в кустарник...

В общем, я его понимаю. Чипа, конечно, наш, гагаринский. И Дегу знает еще с тех пор, когда тот в штанишки писался. Но Чипа — из старшаков. И в случае чего (если, например, с Нефтяников или Приречья кто-нибудь сунется) имеет право мобилизовать и нашу ватагу, и еще с десяток таких же ватаг — для отражения неприятельского набега. И мы будем обязаны беспрекословно ему подчиняться. Да и в обычное время авторитет его, понятное дело, никуда не девается. А тут такое — перстенок увели прямо с пальца... За подобное деяние Дега легко может собственных пальцев лишиться... в лучшем случае. И никто Чипу не осудит.

Я продрался через кусты, прополз под забором и оказался во дворе автобазы, усыпанном осколками кирпичей, битым стеклом, ржавыми железяками и прочим мусором; из трещин в асфальте торчали колючие пучки серой травы, похожие на дохлых ежей. Чуть поодаль громоздился ряд обугленных автомобильных остовов, напоминающих скелеты каких-то неведомых тварей. А еще дальше несуразной грудой высились покрытые жирной копотью развалины здания. Пару лет назад тут рвануло... Полыхало так, что, казалось, столп пламени упирался в само небо, как в потолок, и расползался горизонтальными змеистыми языками, переплетенными струями черного дыма. Должно быть, кого-то черт под руку толкнул закурить у баков с горючим...

Вообще-то в заброшки... то есть заброшенные здания, коих теперь и в черте города до невозможности много, даже и днем заходить не полагается. Но эта автобаза, хоть и давно не функционирует, по-настоящему заброшенной не считается. То и дело здесь висит какая-нибудь ватага, потому что место удобное — и глухое, и рядом с жильем. Даже малолетки сюда бегают, свои первые сигаретки, стыренные у папаш и старших братьев, выкурить. Наш лаз они вряд ли знают, да через забор перелезть — дело нехитрое.

Наискосок через двор, лавируя между железяками, неторопливой трусцой пробежала здоровенная крыса. Губан наклонился было за кирпичом, но зверюга, почуяв опасность, тут же шмыгнула куда-то. Губан проводил ее голодным взглядом и вздохнул.

Дега глянул на меня виновато и хмуро.

— Ну чего? — буркнул он. — У меня очко не железное, между прочим.

— Вот и вернул бы перстенок, — посоветовал я.

— Пару дней еще подожду и верну, — сказал Дега. — Когда у Чипы малость поуляжется.

— За эти пару дней он сам тебя встретит. Это еще странно, что он до сих пор к тебе в гости не прислал никого.

— А я у Губанчика ночевал.

— А сегодня куда пойдешь?

— К тебе, — пожав плечами, уведомил меня Дега тем тоном, каким сообщают очевидные вещи. — А уж завтра поутряне пойду Чипе сдаваться. Ну или попозже пойду. Где-нибудь после обеда. Или к вечеру. Хотя лучше, конечно, на послезавтра отложить, чтоб у Чипы обида совсем утихла.

— Железобетонная логика, — похвалил я. — По-твоему, если год на глаза Чипе не попадаться, то он вообще забудет, как ты выглядишь?

— А почему бы и нет? — фыркнул Дега. Спорить ему явно не хотелось. — Давайте начинать.

Мы с Губаном отошли подальше. Теперь действовать должен Дега. Это же не нам, а ему землянуха показалась. А мы так, на подхвате...

Дега двинулся к развалинам. Мы с Губаном шли, отставая на добрый десяток шагов, как и Дега, привычно избегая наступать на трещины в асфальте (тут их, ясно, никто ничем не замазывает, как на городских улицах). Пробравшись через осыпавшийся дверной проем, ступив в горько пахнущую темень разрушенного взрывом здания, Дега замедлил ход. Все верно, сейчас главное — не шуметь. Не чихнуть, не кашлянуть. И уж — упаси бог — не заговорить.

Землянуха — это явление, я полагаю, той же природы, что и шумелка. Только если шумелка просто безвредная, то землянуха может быть и полезной.

Вот интересно: когда мир был прост и понятен, как табуретка; когда приметы считались глупыми суевериями, а не правилами жизни, когда ночами можно было спать с открытыми окнами или запросто гулять, ничего не опасаясь, потому что о зверье тогда никто и не слыхивал, как люди умудрялись находить тайники, клады и схроны? Без помощи землянухи-то? Ну, металлодетекторы использовали, я знаю. Так с тем металлодетектором можно всю жизнь впустую пробегать,

лишь ржавые гвозди и находя. Где именно искать-то, ты ведь не знаешь. А вот землянуха — она точное место, где кто-нибудь что-нибудь заныкал, показывает...

Это похоже на взлетающие из-под земли тускло-голубые огоньки, которые кроме как угловым зрением и не увидишь. Да и не всякому землянуха является. Бывает так: люди годами ходят мимо какого-нибудь места, ничего этакого не замечая. А кто-нибудь, впервые там оказавшийся, вдруг — раз! — и углядел краем глаза голубое призрачное сияние... Значит, повезло ему. Значит, обломится ему что-нибудь ценное — если он, конечно, правила все соблюдет. А правила эти несложные. Первое — никогда не копать в тот же день, когда тебе землянуха показалась. Второе — взять с собой вещь, которую считаешь счастливой, а если таковой не имеешь, взять с собой кого-то, у кого такая вещь есть. Ну и так далее... Несложные правила, я ж говорю...

Дега, дойдя до середины очередной заваленной битым кирпичом и изломанными железяками комнаты, остановился, предупреждающе подняв руку.

Мы остановились тоже. Дега шагнул к ближайшей стене, изъязвленной горизонтальными черными трещинами, точно ртами, в которых кривыми редкими клыками торчали куски арматуры. На стене оплывало желтое световое пятно от оконного проема на другой стороне комнаты. Под стеной чернела куча осыпавшегося кирпича вперемешку с комками оплавленного пластика и превратившихся в ломкие уголья деревянные. Из этой кучи едва заметно торчал уголок какого-то металлического ящика. На этот уголок Дега и указал пальцем. И тут же, присев, принялся разбрасывать кучу.

Я толкнул Губана. Он ринулся вперед, обхватил ящик, напрягся и потащил его на себя. Ящик захрустел, заскрежетал, выползая из кучи... Дега отскочил в сторону, и очень правильно сделал. Губан шлепнулся на задницу, металлический ящик, вырвавшись из его рук, грохнулся на то самое место, где секунду назад стоял Дега.

Ящик оказался сейфом, измятым, исцарапанным, покрытым уродливыми пятнами копоти. Мы встали кружком над ним.

— Давай, — сказал я Деге. Теперь уже можно было говорить.

Дега нервно хмыкнул и ногой толкнул держащуюся на од-

ной петле дверцу — она с лязгом свалилась на пол. Мы одновременно склонились над вскрытым нутром сейфа.

— Есть! — констатировал я.

— Ну-у-у... — разочарованно протянул Губан. Кажется, он предполагал найти в схроне что-нибудь съестное.

А Дега потер ладонь о ладонь и сказал с широкой улыбкой:

— Неплохо!

Мы выбрались на свет. находку, завернутую в тонкую промасленную тряпицу (именно так она и хранилась в сейфе), по праву нес Дега. Он же и развернул тряпицу, взвесил находку в руке:

— Тяжелый!..

— Осторожно, — посоветовал я. — Не тряси, а то еще, чего доброго...

Это был «Муромец», автоматический шестизарядный пистолет, разработанный году в две тысячи четырнадцатом или пятнадцатом, точно не помню. Разработать-то его разработали, даже собирались принять на вооружение для армии, а вот толком наладить производство не успели... Бабахнул тот заводик, как и почти все промышленные предприятия в мире. Так что в наше время машинка эта, «Муромец», являлась оружием редчайшим. И поэтому крайне ценным. Ну, не только поэтому... Этот пистолет, я знаю, считается самым мощным из когда-либо сконструированных, а в чем там дело — в патронах ли, в особенностях механизма или еще в чем, — я понятия не имею.

Мы по очереди вертели пистолет в руках — я и Дега. А Губан почему-то даже и дотрагиваться до него не стал.

— Давай пальнем разок?! — загорелся Дега. Он, перехватив «Муромца» обеими руками, крутился на месте, как бы беря на прицел невидимых врагов. — Давай, парни, а?

— Во-первых, ты из него не пальнешь, — подытожил я. — Наверно... Сколько лет он пролежал-то... Его чистить надо. А во-вторых, чего толку зря палить? Можно в шалман снести, за такую пушку прилично отвалить должны.

— Или Чипе отдать, — пробасил Губан. — Чтобы он Дегу не трогал...

Только я хотел сказать, что Губан в кои-то веки из хаоса собственных мозговых извилин извлек и выдал на-гора действительно разумное предложение, и даже обернулся к другу,

чтобы лично его с этим поздравить, но споткнулся на полуслове.

— Ты чего под ноги не смотришь?! — заорал Дега, заметив то, что заметил я.

Губан открыл рот и захлопал глазами. Я пихнул его изо всех сил в бок, но сдвинуть эту монументальную тушу с занимаемой ею позиции у меня не получилось.

— Сойди! — рявкнул Дега. — Сойди с трещины, дурак!

Губан встрепенулся и неуклюже отшагнул в сторону.

— И что теперь будет?.. — тоскливо спросил он, кажется, осознав произошедшее.

Никто ему не ответил. А пес его знает, что теперь с ним будет. Ясно только, что ничего хорошего. Не зря же их замазывают или прикрывают чем-нибудь на городских улицах, трещины эти. Любому малолетке известно: наступишь на трещину в асфальте — жди беды. Какой? Ну, мало ли... Я вот, года три назад сдуру и сослепу вляпавшись в такое же дерьмо, отделался тем, что сломал палец на ноге. Считай, повезло мне. А вот Яше Штыку не повезло. Шел он со своей ватагой, отстал от парней, отвлекся, прикуривая, и прямо на той же трещине, куда наступил, мгновенно сгорел заживо. Полыхнуло, закутало его в огненные языки, он пробежал несколько шагов и черной головешкой рухнул... Потом говорили, что вроде как та трещина лежала как раз над газовой трубой, которая течь давала. Может, и правда...

Радость наша от удачной находки улетучилась мгновенно, как столбик сигаретного пепла на ветру. Дега подобрал промасленную тряпицу, завернул в нее пистолет и спрятал сверток под куртку.

— Валим отсюда, — сказал я.

— Куда? — мрачно поинтересовался Дега.

— Ко мне. Ты ж у меня ночевать собрался.

— А я? — жалобно пробасил Губан.

— И ты, куда ж тебя девать...

ГЛАВА 2

Буров щурился от дыма зажатой в углу рта сигареты; пристроив руки на баранке руля, глядел через лобовое стекло, как ныряли и ныряли под колеса его фуры дорожные ухабы. Стре-

лок, назначенный ему конторой в этот рейс, помалкивал справа на сиденье, свесив голову на грудь. То ли спал, то ли нет...

Станный, чего и говорить, тип этот стрелок. Непонятный. Совсем не похож на тех стрелков, с которыми ездил Буров раньше. Худой, длинный, нескладный какой-то. Годков ему уже под полтинник, как и Бурову, а волосы носит длинные, ниже плеч. Лицо морщинистое и темное, а глаза неожиданно светлые, голубые. Одет он... черт знает как одет — джинсы, на коленях продранные, да байковая клетчатая рубашка, да растоптанные кеды. И еще — оружия у него никакого нет. Это при том, что контора своим стрелкам, дальнобоев сопровождающим, стволы выдает в обязательном порядке.

И главное: молчит, паскуда, все время. Сколько раз Буров ни пытался завести с ним разговор, он то пошутит ни к месту, а то просто подмигнет. И молчит себе дальше.

А три дня назад, в первую ночь рейса, этот стрелок Букова напугал. Заселились в хорошую, проверенную гостиницу, одну из тех, что контора для дальнобоев держит. Поднялись в номер. Как полагается, окна наглухо законопатили, легли. Буров стрелку вежливенько пожелал: «Скорого рассвета», — тот тоже в ответ: «Скорого рассвета», — и засопел. Буров, надевшийся потрепаться на сон грядущий, завел было разговор. Дескать, раньше-то желали друг другу перед сном доброй ночи, а теперь ни у кого язык не повернется сказать такое. Ночь — какая же она теперь добрая?.. Но длинноволосый не отвечал. Буров поворочался немного и уснул.

И часов около трех проснулся — резко, аж подпрыгнув. Стрелок со своей койки свалился, дрыгается на полу, хрипит... Буров к нему: «Что случилось?» А тот все хрипит и ногтями по полу скребет, помирать собирается. Так еще пару минут побарахтался и затих. Буров грешным делом подумал, что и вправду кончился, болезный. Зажег свечку, чтобы посмотреть. А стрелок приподнимается, рожа белая, потная, мокрые космы лоб облепили. Проговорил с натугой, с мукой в голосе: «Открыли... Еще одну дверь открыли...» А что это за дверь и кто ее открыл и зачем, ничего пояснять не стал. Взобрался на койку свою и отвернулся к стенке...

Ладно еще рейс выдался на редкость спокойным. То есть прямо-таки необыкновенно спокойным. Раз только привязалась на трассе машина, вроде обгонять начала, жать уже к обо-

чине... Поравнялась с фурой — Буров глянул с тоской в салон той машины, — там, само собой, бандосы: кто не с обрезом, тот с арматуриной. И вдруг водила их носом клюнул в баранку и обмяк... Сердце, что ли, у него прихватило или дрянью какой-нибудь обколоса накануне и теперь вырубил его... Машина вильнула с трассы и ушла в кювет.

Буров тогда даже засмеялся в голос от облегчения — повезло! Кинул в рот сигарету и обернулся к стрелку. А тот как ни в чем не бывало сидит себе, дремлет. словно произошедшее его вовсе не взволновало. словно он на это и внимания не обратил. А если бы заваруха случилась? Много бы он, волосатик, навоевал своими безоружными тощими ручонками? Стрелков для чего с водилами посылают? Чтобы они груз охраняли, естественно. А этого-то недомерка сам Буров одним пальцем бы из кабины скovyрнул. Что уж тут про бандосов говорить...

Ну а после того случая все пошло тихо-мирно. И вот теперь, в самом конце рейса, подъезжая уже с грузом к родному Заволжску, Буров, расслабившийся и уверовавший, что за эти последние два часа ничего дурного с ним не произойдет, решил малость подкрепиться. Чтобы уж с совсем распрекрасным настроением на базу въехать. И свернул к неприметному придорожному шалманчику, у которого никогда раньше не останавливался.

Уже вкатывая во двор шалманчика, понял Буров, что не стоило этого делать, надо было потерпеть пару часов... Во дворе стояли две машины, два забрызганных грязью стареньких японских джипа. И компания, кучковавшаяся у этих джипов, вида оказалась самого нехорошего.

Моментально Бурова хлестнуло мыслью: резко уйти в разворот и дать по газам. Только тут же откуда-то из живота ледяным фонтанчиком вспухла мысль следующая: если он выкинет такой финт, компания сразу попрыгает в свои джипы и устремится в погоню. У них, бандосов, повадки синие — если кто-то бежит, значит, надо непременно догнать.

Оставалось лишь одно. Припарковаться во дворе и, не выказывая беспокойства, проследовать в шалманчик. Создать то есть видимость, что фура у него пустая, поэтому и бояться ему нечего. Даст бог, поленятся проверить...

И тут стрелок посмотрел на Бурова, усмехнулся и проговорил:

— Да не трясись ты... Пойдем, в самом деле, что ли, закусим.

Как будто прочитал, о чем Буров в тот момент подумал. Хотя тут и любой бы догадался — вряд ли, глядя на побледневшую физиономию Бунова, можно было предположить, что он вдруг принялся размышлять о смысле земного своего существования или, допустим, припоминать подробности встречи с одной из гостиничных «подруг».

Они пошагали в шалманчик. Буров, следуя своему плану, скривил лицо, пытаясь изобразить беззаботную улыбку. А длинноволосый стрелок, проходя мимо настороженно и хищно подбравшихся бандосов, окинул их легким, ничего не выражающим взглядом. Как будто смотрел не на людей, живых и опасных, а на груды неодушевленных предметов. Мебель, скажем, кучей сваленную.

Усевшись за столик (в тесноватом зале шалманчика, кстати, не было ни одного посетителя), Буров преувеличенно спокойным голосом попросил у громилы-шалманщика, безразлично возвышавшегося за стойкой, чего-нибудь на скорую руку.

— Зачем «на скорую»?.. — поднял брови стрелок. — Давай-ка, любезный, нам для начала первое. Что у тебя на первое? Борщ? Сойдет! На второе? Котлет не надо, черт знает, из чего ты их накрутил. И шашлык тоже не надо, факт. А вот яичницу с салом, любезный, пожарь. Мне — из пяти яиц. А тебе? — обратился он к Бунову.

А тому вдруг пришла в голову совершенно неожиданная мысль. «А как его зовут, кстати, этого волосатика? — подумал Буров. — Сколько уж времени вместе, а он мне даже имени своего не сказал... А я почему-то спросить и не догадался...»

— Так сколько?

— Три... из трех яиц, — выдавил из себя Буров, повинувшись настойчивому взгляду безымянного длинноволосого.

— Слышал, любезный? Действуй.

«Любезный», приняв заказ, скрылся на кухне. Тихо хлопнула за ним легкая дверца из обшарпанного фанерного листа.

И тотчас громынула дверь другая — входная, металлическая, с глазком на уровне человеческого лица и с бойницей на уровне живота. Вошел один из бандосов — немолодой мужик с изъеденным оспинами лицом, в длинной кожаной куртке, — вошел, огляделся, словно искал кого-то... Взгляд его сколь-

знул по Бурову и стрелку как по пустому месту, не зацепившись. Бандос пожал плечами и вышел.

За стойкой снова появился шалманщик, в руках его был поднос с двумя глубокими тарелками, от которых поднимался пар. Он вознамерился было поставить поднос на стойку, но стрелок позвал его:

— Эй, любезный! Неси все сюда.

«Любезный» удивленно фыркнул, разворачиваясь к стрелку. И Буров увидел, как лицо шалманщика, на котором изначально ясно читалось выражение: «Чё ты сказал?» — вдруг разгладилось, став совершенно пустым. Молча «любезный» составил тарелки на единственный занятый в шалманчике столик. И так же молча удалился за стойку, забрав с собой поднос.

— Яичница! — напомнил ему стрелок.

Шалманщик вздрогнул, словно очнувшись от дремы, и зашел на кухню.

Стрелок, чинно откушав пару ложек, причмокнул:

— Ничего так... — и поднял глаза на Бурова, который тупо глядел в свою тарелку. — Да ешь, о чем задумался-то?..

А Бурову было совсем не до еды. Во-первых, во дворе стоит фура с грузом. Конечно, дверцы кузова защищают три стальных засова, каждый из которых зафиксирован массивным навесным замком... Так все равно же, и самый что ни на есть надежный замок можно вскрыть, если постараться. А во-вторых... вообще непонятно, что происходит.

Вновь бахнула входная дверь. На этот раз бандосов было двое. Давешний, с оспинами на лице, и еще один, невысокий, в добротном пуховике, примечательный тем, что вместо правого уха у него торчали какие-то коротенькие багровые лоскутки. Этот одноухий держался очень уверенно. Войдя последним, он с видимым раздражением толкнул в спину впереди идущего собрата по ремеслу, чтобы тот пошевеливался быстрее. Бандос с оспинами чуть не упал.

— Ну? — коротко и зло осведомился одноухий.

Бандос в кожанке потоптался на месте, оборачиваясь вокруг своей оси, развел руками и растерянно проговорил:

— Сам же видишь...

— Проверь везде, — приказал одноухий.

Бандос торопливым шагом направился к низкой двери, за которой, судя по уловимому аж с самого порога запаху, распо-

лагалось отхожее место. А одноухий тем временем призывно гаркнул:

— Хома!

Из кухни выбежал шалманщик, вытирая на ходу руки о фартук, из-за обилия разноцветных пятен напоминавший географическую карту.

— Где они? — спросил одноухий.

— Кто? — округлил глаза шалманщик.

— Как «кто»? Эти... Которые вошли — где?

Бандос в кожанке выбрался из туалета и рысцой просеменил за спиной у шалманщика на кухню.

— Никто не входил, ты чего... — покрутил головой Хома.

— Что значит «никто не входил»? — зловеще понизил голос одноухий, медленно и пружинисто идя к стойке. — Что значит «никто не входил»?!

Шалманщик Хома попятился. И наткнулся спиной на вышедшего из кухни бандоса в кожанке, который сообщил одноухому:

— На кухне тоже никого...

Стрелок с аппетитом ел борщ. Буров, даже не обмакнувший своей ложки, сидел, прилипнув задницей к стулу, плясая то на спокойного длинноволосого, то на бандосов. К этому времени две вещи кое-как втиснулись в его сознание: бандосы, находящиеся на расстоянии в несколько шагов от них, в упор их не видят, и виной этому странному явлению, скорее всего, его длинноволосый сопровождающий.

Одноухий приблизился к стойке, мазнул пальцем по подносу и предъявил тот палец, с которого капнула розоватая влага, шалманщику.

— А это что? — с нехорошим присвистом поинтересовался одноухий. — Ну-ка, иди сюда... Это что?

Хома осторожно понюхал палец. И в полном недоумении прошлепал губами что-то невнятное.

— Ты же им подавал сейчас, падла! — констатировал одноухий.

— Я? Кому?

Одноухий скрипнул зубами. Стремительно перегнувшись вперед, он схватил здорового шалманщика обеими руками за крутой загривок и рванул на себя и вниз. Хома, впечатавшись лицом в дощатую поверхность стойки, распрямылся, секунду обморочно покачался всем телом вперед-назад, фонта-

нируя кровью из перекосившегося набок носа, и обрушился на пол, скрылся за стойкой.

— Пошли, — сказал одноухий, мотнув головой бандосу в кожанке, — фура-то на месте...

— Там замки такие... — поскучнел тот.

— Какие замки! Автогеном бочину вырежем — всего и делов.

Тут Буров не удержался, вскочил, со скрипом своротив стул. Оба бандоса молниеносно обернулись к нему. В руках у одноухого тускло блеснул револьвер. Второй, с оспинами на лице, проворно вытащил из-за спины обрез охотничьей двустволки.

У Бурова горло стиснуло от мгновенного испуга, когда он понял, что натворил.

— Ах ты ж, тварь... — заскрипел одноухий, поднимая револьвер.

— Вы чего тут делаете, мужики? — вдруг спокойно осведомился стрелок, облизывая ложку.

Буров прямо-таки физически почувствовал, как струны вцепившихся в него взглядов ослабли и растаяли, — это стрелок безо всяких видимых усилий перехватил внимание бандосов.

— А?... — вопросительно произнес одноухий.

— Там братва ваша на тачанах в грязюке завязла, с места сдвинуться не могут, а вы тут титьки мнете! — повисил голос длинноволосый. Он говорил так, будто и на самом деле был искренне возмущен поведением собеседников.

— Так мы... это... — неловко тиская в руках обрез, пробормотал мужик в кожанке, — мы тогда пойдем, ага?

Одноухий, не отводя растерянных глаз от стрелка, поспешно затолкал револьвер в карман.

— Пойдем, да? — попросился и он.

— Конечно, идите, — разрешил длинноволосый.

Бандосы бросились к двери, попытались протиснуться в нее одновременно и ненадолго завязли. Мужик с изуродованным оспой лицом освободился первым, потеряв при этом свой обрез.

— А ты чего встал? — спросил стрелок у Бурова, когда за бандосами громыхнула, закрывшись, дверь. — Доедай борщ, пока не остыл окончательно. И поехали отсюда. Жалко, яичницы мы, кажется, не дождемся, — заметил он.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая	12
Часть вторая	121
Часть третья	207
<i>Эпilog</i>	310